

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-40-52

Факторы привлечения образовательных мигрантов (на примере сибирских вузов)*

Т.А Булатова, А.П. Глухов

Томский государственный педагогический университет
ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061
(e-mail: bulatowa@mail.ru; GlukhovAP@tspu.edu.ru)

Привлекательность российской системы высшего образования и России в целом как принимающего сообщества для образовательных мигрантов с позиций концепции «человеческого капитала» видится как индивидуальный выбор мигранта на основе оценки издержек/выгод своего последующего роста как компетентного специалиста и проектирования жизненной траектории. Авторы рассматривают региональный аспект проблемы привлечения образовательных мигрантов в Томск и Томскую область, где научно-образовательный комплекс является градообразующим, а доля студентов в населении (в том числе иностранных) — одна из самых высоких по стране. В статье рассматривается качество отношений «иностранный студент — принимающее сообщество», региональный медийный фон, задающий общественные настроения, и возможности использования социальных медиа мигрантами для социально-психологической поддержки как важнейшие факторы одобрения/неприятия региона в целом и его системы высшего образования. Эмпирической базой статьи послужили полужформализованные интервью с образовательными мигрантами, посвященные миграции ресурсы региональных интернет-медиа и общение образовательных мигрантов в российских социальных сетях. Как показали результаты исследования, межэтническая обстановка в Томской области характеризуется образовательными мигрантами как благоприятная, однако в принимающем сообществе сложилась иерархия установок в отношении разных национально-географических сегментов образовательной миграции, многие жители региона, не испытывая открытой вражды к иностранным студентам, считают, что образовательную миграцию следует приостановить, видимо, под влиянием негативного информационного фона, создаваемого местными медиа в отношении трудовых мигрантов. Социальные сети как поддерживающая коммуникативная инфраструктура частично снимают негатив или равнодушие принимающего сообщества, выступают в эмоционально-компенсаторной роли квази-института, конвертирующего социальный капитал общения в экономические преференции и психологическую удовлетворенность.

Ключевые слова: миграция; образовательные мигранты; межэтнические отношения; этническая иерархия; социальные сети; цифровые диаспоры; региональная специфика

* © Булатова Т.А., Глухов А.П., 2019.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 17-13-70005.

Статья поступила в редакцию 14.10.2018 г.

В мае 2017 г. Правительство Российской Федерации запустило приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», направленный на повышение привлекательности российского образования на международном рынке образовательных услуг [13]. Этот проект соответствует общемировым трендам повышения мобильности иностранных студентов и роста объемов экспорта образовательных услуг. Количество иностранных студентов в мире, по данным ЮНЕСКО, выросло с 2000 по 2012 г. вдвое — с 2,1 до 4,5 млн [7. С. 155]. В период с 2007 по 2017 г. во всех развитых странах прослеживалась положительная динамика численности иностранных студентов [26]. Затраты на получение иностранного образования оцениваются в последние годы примерно в 150—155 млрд долларов США в год [5. С. 102]. В России же доля иностранных студентов пока в разы ниже, чем в странах — лидерах по приему студентов из-за рубежа: в 2017/2018 учебном году в России на всех уровнях обучения и всех типах программ получали образование чуть более 240 тысяч иностранных студентов.

Центр социологических исследований при Министерстве образования России в 2015 г. провел опрос среди 3 тысяч иностранных студентов из 100 российских вузов, чтобы выявить причины выбора российского образования. 27% опрошенных иностранных студентов заявили, что выбрали Россию за высокий уровень образования, на втором месте — доступная стоимость обучения (24%). В качестве факторов, повлиявших на выбор вузов, респонденты также назвали рекомендации членов семьи, преподавателей и коллег, а также направление национального министерства образования (особенно студенты из стран Центральной Азии) [3].

В то же время в совместном докладе Центра стратегических разработок и НИУ ВШЭ [15] обозначен целый ряд проблем, связанных с российским экспортом образования: структурный перекос в пользу начальных уровней высшего образования за счет более высоких (магистратура, аспирантура); парадоксальный факт низкой доходности российского образовательного экспорта при сравнительно больших потоках иностранных студентов, отсюда — малая емкость российского рынка образовательных услуг и дешевизна (низкое качество) инфраструктуры проживания, питания и развлечений.

Привлекательность российской системы высшего образования и России в целом как принимающего сообщества для образовательных мигрантов (которые часто, но не всегда могут выбирать региональные локации обучения) имеет смысл оценивать с позиций концепции «человеческого капитала», интерпретирующей предпочтение конкретной образовательной локации как сознательный выбор индивида на основе оценки издержек/выгод своего обучения. Г. Беккер определил человеческий капитал как совокупность навыков, знаний и умений человека, а инвестиции в него — как затраты на образование и обучение [17]. Соответственно, задача принимающей страны — снизить издержки и увеличить количество и качество факторов привлекательности системы образования и страны в целом.

Региональный аспект проблемы привлечения образовательных мигрантов состоит в том, что для Томска научно-образовательный комплекс является градообразующим, вклад вузов в валовый региональный продукт Томской области

составляет около 6—7%, инвестиции томских студентов в экономику города его администрация оценивает в 7 миллиардов рублей в год (затраты студентов на проживание в общежитиях, аренду жилья, питание, гостинично-ресторанный бизнес, телекоммуникации, транспорт и развлечения), при «среднем чеке» каждого студента в 17 тысяч рублей в месяц [9]. При этом порядка 60% томских студентов — иногородние и иностранные граждане: более 10 тысяч из них — иностранные студенты, в основном из Китая, Монголии, Вьетнама, стран Средней Азии [14]. Количество иностранных студентов в городе постоянно растет: доля иностранных студентов всех форм обучения в томских вузах за десять лет выросла с 5,1% до 18,2% [1]. В настоящее время в томских университетах обучаются 59,6 тысяч студентов из 78 регионов России и 68 стран, 10,2 тысячи из них приехали из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Для повышения привлекательности региональной системы высшего образования в Томской области важно выявить факторы аттракции томских вузов и региона в целом, что предполагает разведение их на прямые — качество и востребованность высшего образования (в том числе в регионе/стране исхода), качество языковой и профессиональной подготовки, имидж вуза) и др. — и косвенные, связанные с пребыванием в стране/регионе — инфраструктура проживания, возможности и качество связи, что важно для поддержания связи с родиной и диаспорой, возможности сохранения национально-культурных и диаспоральных автономий в общежитиях и кампусах, отправления религиозных обрядов, языковое сопровождение, уровень безопасности и расовой и национальной толерантности, стоимость проживания, питания и сопутствующих услуг, транспортная доступность, возможности дополнительной занятости, культурно-развлекательная притягательность региона, возможности для занятий спортом и др.

Межэтнические отношения в томском регионе всегда привлекали внимание исследователей [11]: в томских вузах уже проводился ряд исследований, направленных на оценку привлекательности и факторов отталкивания российской системы образования для иностранных студентов. В частности, в 2012 году исследовательская экспедиция проектно-учебной лаборатории «Развитие университетов» НИУ ВШЭ рассматривала комплекс проблем, связанных с адаптацией иностранных студентов, в Томском политехническом институте. По итогам проведения полуструктурированных интервью были выявлены следующие трудности адаптации (по убыванию значимости для иностранных студентов): языковой барьер (незнание английского языка преподавателями и студентами, а также городским населением), трудности включения в российское студенческое сообщество (вариант негативной адаптации — этническая сегрегация, общение внутри диаспоры-«гетто»), плохие социально-бытовые условия проживания в кампусе, суровые климатические условия, невозможность трудоустройства во время обучения (чему препятствует выдача только образовательной визы без разрешения на работу) [4].

Важнейшими факторами аттракции иностранных студентов выступает качество отношений с разными группами принимающего сообщества, общий медий-

ный фон освещения миграции, задающий тональность общественного мнения и установки населения по отношению к мигрантам, а также развитость диаспорального (в том числе виртуального) дискурса и поддерживающей коммуникативной инфраструктуры мигранта, физически оторванного от родины. Перечисленные факторы не оказывают прямое влияние на качество образования и компетенции, но могут способствовать/препятствовать позитивному психологическому климату и социальной адаптации иностранного студента.

Коллектив ученых Томского государственного педагогического университета в 2017—2018 гг. провел социологическое исследование межэтнических отношений в поле взаимодействия «иностраный студент — принимающее сообщество» на основе полуструктурированных интервью с иностранными студентами, обучающимися в университетах Томска, опроса населения Томской области и мониторинга региональных новостных интернет-изданий. Целью исследования была оценка отношений между мигрантами и местным населением и качества коммуникаций как факторов привлекательности города и образовательной системы для иностранных студентов. Задачи исследования включали в себя характеристику отношений в связке «иностраный студент — принимающее сообщество», выявление медийного освещения проблемы миграции и анализ использования образовательными мигрантами социальных сетей и виртуальных сообществ.

Теоретическим базисом исследования послужила гипотеза Р. Форда [23], что отношение принимающего населения к мигрантам зависит от их этнической принадлежности и их страны происхождения. В частности, он обнаружил, что в Великобритании негативные поведенческие установки реже встречаются по отношению выходцам из Австралии и Западной Европы, чаще — по отношению к иммигрантам из Африки и Южной Азии [24].

В социальной психологии были выделены три основных принципа построения этнических иерархий: 1) почти все мигранты предпочитают социальные контакты в пределах собственного этнического сообщества; 2) при контактах с другими этническими группами существует иерархия предпочтений, которые разделяются участниками каждой группы (внутригрупповой консенсус); представители разных этнических групп воспринимают иерархию как социальную данность (межгрупповой консенсус). Опросы в Европе, США и Канаде показали, что мигранты североамериканского происхождения, а также из США, Канады и Австралии обычно стоят во главе иерархии, затем идут представители Южной и Восточной Европы, выходцы из стран Азии и Африки находятся на нижних ступенях иерархии [см. также: 18].

В рамках исследовательского проекта в июне—сентябре 2017 г. было проведено двадцать полуструктурированных интервью с иностранными студентами томских вузов — выходцами из Узбекистана, Таджикистана, Бразилии, Вьетнама, Китая, Мали, Индонезии, Палестины, Монголии, Конго, Алжира и Польши. Целью интервью было выявление социально-коммуникативных и психологических проблем в системе «образовательный мигрант — принимающее сообщество», изучение ситуации выстраивания взаимоотношений и «точек напряжения» в ком-

плексе коммуникаций иностранных студентов с ключевыми группами — педагогами, российскими сокурсниками, соседями по кампусу, университетскими знакомыми и жителями Томска. Отношение к мигрантам со стороны данных групп оценивалось самими образовательными мигрантами, поскольку, будучи одновременно объектом и субъектом влияния, они могут охарактеризовать общую картину и выявить неблагоприятные ситуации в контексте межэтнических отношений.

В целом мигранты отмечали благоприятное отношение к мигрантам и отсутствие открытых конфликтов:

«Вообще никогда (не сталкивался с расистскими проявлениями). В Томске нет расизма. В Томске живут спокойные и образованные люди (студент из Нигерии);

«Очень спокойный город» (студент из Италии);

«Это студенческий город, поэтому я могу сосредоточить внимание на учебе» (студент из Южной Кореи).

В ответ на вопросы о выборе образовательной локации респонденты назвали несколько реализованных ими возможностей: некоторые уже имели высшее образование, полученное в своей стране, другие сначала работали в Томске, а затем поступили учиться; выбор места обучения осуществлялся на основе рекомендаций знакомых студентов из своей страны и под воздействием рекламы вуза (выездных приемных комиссий и рекрутеров, что особенно характерно для мигрантов из СНГ); для зарубежных студентов были также важны отзывы прошедших обучение соотечественников, набор предлагаемых стран-участниц программ мобильности, распределение своего министерства образования, интернет-источники о стипендиальной программе и принимающей стороне.

Российские студенты в целом приветствуют привлечение иностранных студентов в вузы, но некоторые опасаются, что им будет уделяться меньше внимания [2]. Негативно сказывается на отношениях иностранных и российских студентов и конкуренция за места в вузах, сравнительно лучшие условия проживания иностранных студентов в общежитиях, большая поддержка иностранных студентов преподавателями, тьюторские обязанности, налагаемые на российских студентов. Кроме того, почти все этнические мигранты предпочитают социальные контакты в пределах собственной этнической группы, расширению ее границ способствует общая религиозная принадлежность (при совпадении), отсутствие трайбалистских предрассудков вне своей страны (для африканских студентов) и хорошее знание русского языка [8].

Респонденты отмечают, что поддерживают связи с представителями своей национальности, проживающими в Томске, — другими образовательными мигрантами и представителями диаспор. Взаимодействие происходит в рамках участия в конфессиональных ритуалах, праздниках, образовательном процессе и бытовой сфере:

«разные мероприятия проходят в Томске, вот мы и участвуем в них, показываем свою национальность... нашу традицию, наш обычай сохраняем» (студент из Узбекистана).

Фактором привлекательности региона для мигрантов является возможность отправления религиозных обрядов и посещения храмов. Томск можно назвать многоконфессиональным городом: хотя религиозные общины и храмы в Томске большинство опрошенных по разным причинам посещают не часто, однако наличие самой такой возможности воспринимается мигрантами как важный предпочтительный фактор.

В рамках изучения межэтнических отношений с принимающей стороной мы выявили иерархию отношений к образовательным мигрантам со стороны российского сообщества. По данным интервью чаще всего нетолерантное отношение к себе отмечают выходцы из Средней Азии, составляющие большинство иностранных студентов в Томске. Китайские и вьетнамские студенты в большей степени удовлетворены отношением к ним принимающей стороны (студентов, преподавателей, местного населения). У африканских студентов внутренний дискомфорт связан, прежде всего, с реакцией местного населения и других студентов на внешние расовые отличия. Европейские студенты легко контактируют с российскими студентами, которые могут использовать для общения с ними английский язык, не столь значительны между ними культурные и ценностные различия, однако доля европейских студентов в томских вузах крайне мала.

В целом можно говорить об иерархии в отношении к иностранным студентам, базирующейся не столько на расовых различиях, сколько на культурно-ценностных и социально-психологических установках. Речь идет о своеобразной иерархии опеки/кураторства иностранных студентов в вузах: так, студенты из азиатских республик СНГ только по формальному признаку относятся к иностранным и часто предоставлены в процессе обучения и адаптации сами себе; студенты из Китая, Вьетнама, Африки, других стран дальнего зарубежья пользуются большим вниманием преподавателей и кураторов из адаптационно-поддерживающих центров вузов; европейским студентам, приезжающим по краткосрочному обмену (например из Польши), уделяется значительно больше внимания со стороны административных структур. «Административный национализм» был отмечен и другими исследователями адаптации иностранных студентов в вузах России [см., напр.: 10].

По данным интервью, большинство иностранных студентов придерживается общепринятых норм принимающей стороны в отношении одежды, поведения, бытовых условий, усваивают традиции проведения российских праздников, пробуют национальную кухню, что можно интерпретировать как стремление иностранных студентов адаптироваться и интегрироваться в принимающую среду [см. также: 12]. Ситуацию дискомфорта зафиксировала одна студентка из Индонезии, строго придерживающаяся национально-религиозных требований в одежде (ношение хиджаба) и отправлениях культа, что вызывало любопытство окружающих и многочисленные вопросы о ее внешнем виде.

В целом способность мигрантов в эпоху транснационализма сочетать в себе несколько идентичностей создает условия, при которых успешное взаимодействие с местным населением становится критически важным фактором привлекатель-

ности региона. Многие томские образовательные мигранты открыты для общения, создают с россиянами деловые и дружеские связи, готовы к широкому диапазону отношений с представителями принимающего сообщества: «*все возможно — дружба, брак*» (студент из Мали); «*вместе учиться и работать*» (студент из Китая); «*соседство, трудовая деятельность*» (студент из Вьетнама). У образовательных мигрантов нет установок на изоляцию, у всех проявляется готовность к совместной учебе и дружеским отношениям.

Как показали данные опроса, по отношению к образовательной миграции установки населения Томской области более позитивны, чем по отношению к трудовым мигрантам: 29,2% (против 3,8% в случае трудовой миграции) считают, что необходимо привлекать больше иностранных студентов, так как томскому региону и вузам нужны финансовые инвестиции. Однако 61% опрошенных опасаются дальнейшего роста образовательной миграции и считают, что следует оставить количество иностранных студентов на том уровне, который уже есть. 8% респондентов проявляют ксенофобию даже в отношении образовательных мигрантов и предлагают полностью ограничить приток иностранных студентов и по возможности избавиться от тех, что уже приехали.

Значительную роль в формировании толерантных/нетолерантных установок принимающего сообщества играют медиа (в том числе цифровые). В рамках исследования был проведен анализ двух ключевых региональных новостных интернет-изданий «Томские новости» и «Новости в Томске» с точки зрения характера освещения и тональности новостей по вопросам образовательной и трудовой миграции (временной интервал — с 1 января 2016 по 1 апреля 2018 г.; каждая новость оценивалась по модальности — положительные, негативные, критические или нейтральные описания).

Следует сразу отметить, что количество новостей по тематике межэтнических отношений и миграции оказалось крайне незначительным. Первое место по числу упоминаний занял тег «взаимодействие с органами государственной исполнительной власти»: 10 материалов были посвящены в основном нарушениям закона, нелегальному нахождению мигрантов на территории Томской области, трудовой деятельности без разрешения на работу, кражам имущества; позитивные или нейтральные статьи касались, в частности, внесения поправок в закон, разрешающих продление визы иностранным студентам; на втором месте (6 материалов) оказались статьи по тегу «межэтнический ивент» — о шествиях, национальных праздниках, культурно-исторических фестивалях, концертах, организаторами и/или участниками которых являлись коренные и пришлые этносы Сибири, а также образовательные и трудовые мигранты; на третьем месте (3 материала) — материалы по тегу «образовательные отношения» — затрагивающие вопросы учебы, проживания и адаптации образовательных мигрантов (например, получение дипломов томских вузов иностранцами или создание справочника Томска для иностранных студентов). Определяя модальность данных материалов, можно сделать вывод, что в целом отношение к мигрантам в Томске, формируемое интернет-СМИ, носит либо отрицательную (половина сообщений), либо нейтраль-

ную окраску (чуть менее половины сообщений), тогда как положительную модальность имеет только 10% материалов.

Содержательный анализ интернет-СМИ выявил преимущественно отрицательную тональность описания мигрантов, поскольку источником информации для большинства публикаций были пресс-сообщения государственных органов, занимающихся проблемами миграции. Основным информационным поводом таких сообщений были вопросы обеспечения правопорядка, применения законодательства, регистрации и проживания мигрантов, несвоевременного оформления документов о пребывании и трудоустройстве. Мигранты в статьях выступают как объекты государственного контроля и регулирования, с которыми связаны многие проблемные ситуации в регионе. Фотоматериалы, сопровождающие сообщения о мигрантах, также в основном связаны с деятельностью правоохранительных органов и правонарушениями. Кроме того, материалы о мигрантах обычно акцентируют их групповые, а не индивидуальные особенности — в результате складывается «обезличенный» образ трудового мигранта, лишенный индивидуальных черт и якобы представляющий опасность для рядового жителя области. Однако все это не относится к образовательным мигрантам: статьи о них обычно имеют нейтральный или положительный характер, но количество репортажей о жизни, учебе и адаптации иностранных студентов в томских интернет-СМИ ничтожно мало.

Критически важной для адаптации образовательного мигранта и, следовательно, для привлекательности региона и системы образования является наличие развитой инфраструктуры коммуникации с диаспорой и страны исхода. Классические теории миграции рассматривали ее как смену родительского общества на принимающее сообщество, позиция мигранта интерпретировалась как маргинальная, «двойное отсутствие», мигрант рассматривался как маргинал, «зависший» в пограничье между двумя обществами, и выход из такой ситуации виделся в политике ассимиляции и адаптации к принимающему сообществу или в «геттоизации» (сохранении маргинальности). Современные подходы, в том числе концепция транснациональной и транслокальной миграции, задают новую глобалистскую перспективу, постулируя «двойное присутствие» мигранта — в принимающем сообществе и обществе исхода (транслокальность) [21].

Исследования адаптационной роли цифровых коммуникаций и социальных сетей стали чрезвычайно популярны в начале XXI века.

К. Лим и Э. Меер [25], рассматривая процесс адаптации корейских студентов к обучению в США, стремились получить ответы на два ключевых вопроса: как иностранные студенты используют социальные сети и как оценивают влияние социальных сетей на их аффективно-эмоциональную и учебно-академическую адаптацию? Результаты исследования показали, что корейские студенты только выиграли от использования социальных сетей: виртуальное взаимодействие позволило им сократить уровень стресса в новой для них западной культуре, предоставив возможность виртуально «подпитываться» от общения с родителями и друзьями, проживающими в Южной Корее.

Э. Дикер [22] подчеркивает важнейшую психоэмоциональную функцию социальных сетей: ежедневный контакт с друзьями и близкими в социальных сетях — важный источник эмоциональной и психологической поддержки. Мигранты сегодня не боятся физической разлуки с членами семьи, поскольку поддерживаются с ними виртуальный контакт, поэтому принимать решение о миграции стало проще [19].

В рамках исследования был проведен анализ использования образовательными мигрантами социальных сетей и виртуальных сообществ как поддерживающей коммуникативной инфраструктуры. Объектом исследования выступили «цифровые диаспоры» (digital diaspora) мигрантов из стран Центральной Азии, прежде всего Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана (в меньшей степени были задействованы мигранты из Монголии и Китая — по причине редкого использования русскоязычных социальных платформ). Данные диаспоры характеризуются широкими возможностями для изучения сетевых сообществ, прозрачностью и общей языковой основой коммуникации (группы в большинстве своем открыты, для их просмотра не требуется приглашение участника, контент и форумы доступны, коммуникация двуязычна или ведется на русском языке).

Сочетание дискурс-анализа контента страниц виртуальных сообществ с методом полужормализованного интервью образовательных мигрантов позволило выявить набор адаптивных функций «цифровых диаспор». Так, социальные платформы, во-первых, способствуют поддержанию близких связей (между родственниками и друзьями), сохраняя пространство интимной коммуникации, благодаря настройкам приватности и наличию разных форматов общения в мессенджерах. Социальные сети предоставляют возможности фоновно узнавать о жизни друзей, не вступая в прямой контакт с ними: подобное «пассивный» просмотр профилей друзей, фотографий и новостей [20] позволяет управлять гораздо большими социальными кругами, чем лишь непосредственный круг общения [16]. Это означает, что пассивный мониторинг обновлений в аккаунте, статусе и ленте новостей друзей и родственников позволяет мигранту «быть в курсе» их жизни и сохранять эффект «виртуального присутствия», что важно для него как психологически, так и с точки зрения поддержания социального статуса и контроля.

Во-вторых, виртуальные этнические сообщества расширяют пространство коммуникаций, масштабируют слабые связи и способствуют их превращению в социальный капитал. Подобный виртуальный социальный капитал очень ценен для мигранта, поскольку открывает доступ к ресурсам, хорошо оплачиваемой работе и психологической поддержке. Кроме того, слабые сетевые связи в виртуальных сообществах — «квазиблизкие», что дает мигранту ощущение наличия виртуальной этнической «квазисемьи» с необходимой психологической и эмоциональной поддержкой и вовлеченностью и создает иллюзию близких сильных отношений. Этнические виртуальные сети генерируют социальный капитал, полезный для каждого их участника, облегчая поиск страны переезда и принятие решения об эмиграции за счет сетевых запросов к уже переселившимся соотечественникам/родственникам, помогая в организации и извещая об этнокультурных мероприятиях, позволяя использовать виртуальные сообщества как бизнес-справочники, доски рекламных объявлений и службы знакомств.

Таким образом, межэтнические отношения в сибирском регионе, в частности в Томской области, образовательные мигранты характеризуют как в целом благоприятные, говоря, что чувствуют себя «как дома» и затрудняясь назвать причины и/или примеры притеснений иностранцев в Томской области. Обнаруженная иерархия установок по отношению к разным категориям образовательных мигрантов со стороны принимающего сообщества связана с социокультурными и социально-психологическими факторами. Образовательную миграцию население Томской области воспринимает более позитивно, чем трудовую миграцию, однако свыше половины опрошенных считают, что образовательную миграцию следует остановить на достигнутом уровне, поскольку не видят ее экономических и других социальных выгод для себя лично и для региона.

Одной из причин тому может быть фрагментарность и выборочно негативная тональность в освещении темы миграции региональными СМИ. Межэтнические отношения в Томской области недостаточно (на фоне масштабов проблем трудовой и образовательной миграции) освещены в региональных интернет-изданиях, а большинство статей имеют отрицательный характер, формируя негативное общественное мнение по отношению к мигрантам, особенно, к трудовым — как непрошенным «гостям», не склонным соблюдать законодательство и пренебрежительно относящихся к нормам поведения принимающего сообщества. Социальные сети и цифровые диаспоры мигрантов как поддерживающая коммуникативная инфраструктура частично снимают негатив или равнодушие принимающего сообщества, выступая также в эмоционально-компенсаторной роли диаспорного квази-института.

Библиографический список

- [1] Власти: более 18% студентов томских вузов — иностранцы // <https://www.riatomsk.ru/article/20180507/inostrannie-studenti-tomsk>.
- [2] Деева А. Из России с дипломом: В томские вузы наберут иностранных студентов // <http://smartnews.ru/regions/tomsk/6833.html#ixzz4w24hzK8i>.
- [3] Иностранные студенты в России // <https://studyinrussia.ru/actual/articles/inostrannye-studenty-v-rossii>.
- [4] Как студенты студентов изучали // <https://www.hse.ru/news/avant/74465897.html>.
- [5] Клячко Т.Л., Краснова Г.А. Экспорт высшего образования: состояние и перспективы в мире и России // Экономика науки. 2015. Т. 1. № 2.
- [6] Кушнарева А.А. Реализация образовательных возможностей студентов-мигрантов в вузах России и Великобритании: на пути к решению // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2012. № 1.
- [7] Нефедова А.И. Масштабы, структура и цели экспорта российского высшего образования // Мир России. 2017. Т. 26. № 2.
- [8] Погодаев Н.П. Владение русским языком как условие адаптации студентов-мигрантов из Таджикистана в университетском пространстве Томска // Вестник ТГУ. Серия: Философия. Социология. Политология. 2015. № 1.
- [9] Приезжие студенты инвестируют в томскую экономику 7 млрд руб. в год // <https://www.riatomsk.ru/article/20141215/studenti-investicii-tomsk>.
- [10] Радина Н.К. Образовательная миграция в контексте новой миграционной политики России // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / Под ред. Е.Г. Ясин. М., 2015. Кн. 4.

- [11] Рыкун А.Ю., Абрамова М.О., Сухушина Е.В. Отношение молодежи Томска к трудовым и образовательным мигрантам (на примере исследования молодежи Томска) // Вестник ТГУ. Серия: Философия. Социология. Политология. 2017. № 37.
- [12] Троцук И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2004. № 6—7.
- [13] Утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» // <http://government.ru/news/28013>.
- [14] Черткова Н. Томск все больше привлекает иностранных студентов // <http://www.tvtomsk.ru/vesti/education/20416-tomsk-vse-bolshe-privlekaet-inostrannyh-studentov.html>.
- [15] Экспертный доклад «12 решений для нового образования» // <https://www.hse.ru/news/expertise/217884372.html>.
- [16] Backstrom L., Bakshy E., Kleinberg J., Lento T.M., Rosenn I. Balance of attention: How Facebook users allocate attention across friends // AAAI International Conference on Weblogs and Social Media (ICWSM), 2011.
- [17] Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago—London, 1993.
- [18] Bessudnov A. Ethnic hierarchy and public attitudes towards immigrants in Russia // European Sociological Review. 2016. No. 2.
- [19] Brinkerhoff J.M. Digital Diasporas. Identity and Transnational Engagement. New York, 2009.
- [20] Burke M., Kraut R.E., Marlow C. Social capital on Facebook: Differentiating uses and users // Proceedings of the 2011 Annual Conference on Human Factors in Computing Systems, 2011.
- [21] De Jong F. The production of translocality. Initiation in the sacred grove in Southern Senegal // Modernity on a Shoestring / Eds. by R. Fardon, W. van Binsbergen, R. van Dijk. Leiden, 1999.
- [22] Diker E. Social media and migration // Review of Political and Social Research Institute of Europe. 2015 // <http://ps-europe.org/social-media-and-migration>.
- [23] Ford R. Acceptable and unacceptable immigrants: The ethnic hierarchy in British immigration preferences // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2011. No. 37.
- [24] Hainmueller J., Hangartner D. Who gets a Swiss passport? A natural experiment in immigrant discrimination // American Political Science Review. 2013. No. 107.
- [25] Lim K., Meier E.B. International student's use of social network services in the new culture: A case study with Korean youths in the United States // Asia Pacific Education Review. 2012. No. 13.
- [26] UNESCO Institute for Statistics. 2015 // <http://www.uis.unesco.org>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-40-52

Factors for attracting educational migrants (on the example of Siberian universities)*

T.A. Bulatowa, A.P. Glukhov

Tomsk state pedagogical university
Kievskaya St., 60, Tomsk, Russia, 634061
(e-mail: bulatowa@mail.ru; GlukhovAP@tspu.edu.ru)

Abstract. The attractiveness of the Russian higher education system and the country in general for educational migrants in the perspective of the theory of ‘human capital’ is considered in the article as a migrant’s individual choice based on assessing costs/benefits of one’s further life trajectory as a specialist.

* © T.A. Bulatowa, A.P. Glukhov, 2019.

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities. Project No. 17-13-70005.

The article was submitted on 14.10.2018.

The authors focus on the regional aspect of educational migration — to Tomsk and the Tomsk Region, in which the scientific-educational complex is a city-forming one, and the share of students (including foreign ones) is among the highest in the country. The article considers the quality of ‘foreign student — host community’ relations, the regional media presentation of migration as affecting the public opinion, and the possibilities of social media for the social-psychological support for migrants as the most important factors for choosing/rejecting the region and its higher education system. The empirical basis of the article consists of the semi-structured interviews with educational migrants, regional Internet media focusing on migration, and educational migrant communication in the Russian social networks. According to the research data, the interethnic situation in the Tomsk Region is estimated by educational migrants as favorable; however, in the host community there is a hierarchy of attitudes towards different national-geographical segments of educational migration; many region’s residents do not show hostility to foreign students but believe that further educational migration must be stopped, which is probably due to the negative information discourse of regional media on labor migrants. Social networks as a supporting communicative infrastructure partially hinder negativity and indifference of the host community acting as an emotional-compensatory diaspora quasi-institution that turns the social capital of communication into economic preferences and psychological satisfaction.

Key words: migration; educational migrants; interethnic relations; ethnic hierarchy; social networks; digital diasporas; regional specifics

References

- [1] Vlasti: bolee 18% studentov tomских вузов — инострaнты [Authorities: more than 18 percent of students at Tomsk universities are foreigners]. <https://www.riatomsk.ru/article/20180507/inostrannie-studenti-tomsk> (In Russ.).
- [2] Deeva A. Iz Rossii s diplomom: V tomskie вузы naberut inostrannykh studentov [From Russia with a diploma: Tomsk universities will get foreign students]. <http://smartnews.ru/regions/tomsk/6833.html#ixzz4w24hzK8i> (In Russ.).
- [3] Inostranne studenty v Rossii [Foreign students in Russia]. <https://studyinrussia.ru/actual/articles/inostrannye-studenty-v-rossii> (In Russ.).
- [4] Kak studenty studentov izuchali [How students studied students]. <https://www.hse.ru/news/avant/74465897.html> (In Russ.).
- [5] Klyachko T.L., Krasnova G.A. Eksport vysshego obrazovaniya: sostoyanie i perspektivy v mire i Rossii [Export of higher education: The state and prospects in the world and Russia]. *Ekonomika Nauki*. 2015; 1 (2) (In Russ.).
- [6] Kushnareva A.A. Realizatsiya obrazovatelnykh vozmozhnostey studentov-migrantov v vuzakh Rossii i Velikobritanii: na puti k resheniyu [Realization of educational opportunities for migrant students in the universities of Russia and the UK: Towards a solution]. *Professionalnoe Obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 2012; 1 (In Russ.).
- [7] Nefedova A.I. Masshtaby, struktura i tseli eksporta rossiyskogo vysshego obrazovaniya [The scale, structure and goals of the Russian higher education export]. *Mir Rossii*. 2017; 26 (2) (In Russ.).
- [8] Pogodaev N.P. Vladenie russkim yazykom kak uslovie adaptatsii studentov-migrantov iz Tadzhikistana v universitetskom prostranstve Tomskа [Fluency in Russian as a prerequisite for the adaptation of migrant students from Tajikistan in the universities of Tomsk]. *Vestnik TGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2015; 1 (In Russ.).
- [9] Priezzhie studenty investiruyut v tomskuyu ekonomiku 7 mlrd. rub. v god [Migrant students invest in the Tomsk economy 7 billion rubles per year]. <https://www.riatomsk.ru/article/20141215/studenti-investicii-tomsk> (In Russ.).
- [10] Radina N.K. Obrazovatel'naya migratsiya v kontekste novoy migratsionnoy politiki Rossii [Educational migration in the context of the new migration policy of Russia]. *XV Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva*: v 4 kn. Pod red. E.G. Yasina. Moscow; 2015. Book 4 (In Russ.).

- [11] Rykun A.Yu., Abramova M.O., Sukhushina E.V. Otnoshenie molodezhi Tomsk k trudovym i obrazovatelnyim migrantam (na primere issledovaniya molodezhi Tomsk) [The attitude of the Tomsk youth to labor and educational migrants (on the example of the Tomsk youth survey)]. *Vestnik TGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2017; 37 (In Russ.).
- [12] Trotsuk I.V. Adaptatsiya inostrannykh studentov k usloviyam zhizni i ucheby v Rossii (na primere RUDN) [Adaptation of foreign students to the conditions of life and study in Russia (on the example of RUDN)]. *Vestnik RUDN. Seriya "Sotsiologiya"*. 2004; 6—7 (In Russ.).
- [13] Utverzhden pasport prioritetnogo proekta "Razvitie eksportnogo potentsiala rossiyskoy sistemy obrazovaniya" [The passport of the priority project "Development of the Export Potential of the Russian Educational System" was approved]. <http://government.ru/news/28013> (In Russ.).
- [14] Chertkova N. Tomsk vse bolshe privlekaet inostrannykh studentov [Tomsk attracts foreign students more and more]. <http://www.tvtomsk.ru/vesti/education/20416-tomsk-vse-bolshe-privlekaet-inostrannykh-studentov.html> (In Russ.).
- [15] Ekspertny doklad "12 resheniy dlya novogo obrazovaniya" [Expert report "12 Solutions for New Education"]. <https://www.hse.ru/news/expertise/217884372.html> (In Russ.).
- [16] Backstrom L., Bakshy E., Kleinberg J., Lento T.M., Rosenn I. Balance of attention: How Facebook users allocate attention across friends. *AAAI International Conference on Weblogs and Social Media (ICWSM)*; 2011.
- [17] Becker G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. Chicago—London; 1993.
- [18] Bessudnov A. Ethnic hierarchy and public attitudes towards immigrants in Russia. *European Sociological Review*. 2016; 2.
- [19] Brinkerhoff J.M. *Digital Diasporas. Identity and Transnational Engagement*. New York; 2009.
- [20] Burke M., Kraut R.E., Marlow C. Social capital on Facebook: Differentiating uses and users. *Proceedings of the 2011 Annual Conference on Human Factors in Computing System*; 2011.
- [21] De Jong F. The production of translocality. Initiation in the sacred grove in Southern Senegal. *Modernity on a Shoestring*. Eds. by R. Fardon, W. van Binsbergen, R. van Dijk. Leiden; 1999.
- [22] Diker E. Social media and migration. Review of Political and Social Research Institute of Europe. 2015 // <http://ps-europe.org/social-media-and-migration>.
- [23] Ford R. Acceptable and unacceptable immigrants: The ethnic hierarchy in British immigration preferences. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011; 37.
- [24] Hainmueller J., Hangartner D. Who gets a Swiss passport? A natural experiment in immigrant discrimination. *American Political Science Review*. 2013; 107.
- [25] Lim K., Meier E.B. International student's use of social network services in the new culture: A case study with Korean youths in the United States. *Asia Pacific Education Review*. 2012; 13.
- [26] UNESCO Institute for Statistics. 2015. <http://www.uis.unesco.org>.